

Предисловие.

Комуниверситет имени Я. М. Свердлова весьма охотно издает сборник статей т-ща Залкинда под заглавием «Революция и Молодежь». Все затронутые в этих статьях темы более чем современны. Они волнуют нашу учащуюся рабоче-крестьянскую и, в частности, партийную молодежь; она ищет на них ответ и наша задача помочь ей этот ответ найти. Многое из затронутого т-щем Залкиндром покажется кой-кому спорным, со многим кой-кто не согласится. Можно рассчитывать, что выпускаемая книжка вызовет по многим вопросам живую полемику. Это будет только желательно, и особенно желательно, чтобы в этой полемике громче всего раздался голос самой молодежи. Ведь в конечном итоге именно ей придется организовать новый быт, создавать и проводить в жизнь новую этику, перестраивать на-ново все дело учебы. Отпихнуться от выдвинутых т-щем Залкиндром вопросов нельзя, на них необходимо ответить. Ответ может быть дан только коллективный, поэтому необходимо, чтобы каждый кружок молодежи серьезно продумал и продискуссировал основные положения т. Залкинда.

Ректор Ком. У-та им. Я. М. Свердлова **М. Лядов.**

От автора.

Цель брошюры—помочь психоневрологической организации пролетарской учащейся молодежи. Материалом для нее послужили—как психоневрологическая практика автора, так и ряд докладов его в Свердловском Университете, в Коммунистическом Университете Трудящихся Запада, в Академии Коммунистического воспитания, 1-м и 2-м М. Г. У. и т. д. Практические вопросы большей частью прорабатывались в особых комиссиях, состоявших из преподавателей и студентов этих ВУЗ'ов.

Практические задания брошюры и ограниченные ее размеры препятствовали как слишком специальному углублению в научные детали, так и широким социологическим экскурсиям. Учитывалось лишь то, что социологически не возбуждало сомнений, и что прочно подтверждалось научно-неврологической практикой.

Ряд вопросов и по содержанию и по методу поставлены этой брошюрой впервые. Будущее, автор надеется, позволит ему развернуть их шире. Должны появиться и другие работы в подобном же направлении,—современность их настойчиво требует. Советская психоневрология обязана серьезно заняться нашей красной молодежью.

В пяти очерках проделана попытка первичной, сжатой систематизации материала, накопившегося за последние годы в наблюдениях над красной молодежью. Советская общественность совершенно своеобразна,—она создает совершенно новые условия для нервно-психической жизни. В условиях академической работы это социальное своеобразие сказывается еще острее, еще глубже. Ограничивать старыми, узкими неврологическими толкованиями то, что происходит сейчас в организме нашей молодежи,—подходить к ее нервно-психическим процессам исключительно с докторским

молоточком и микроскопом, без всестороннего учета совершенно нового содержания социальной среды, ее окружающей, без анализа внутреннего содержания ее совершенно специфических, неизвестных пока неврологии, переживаний,—было бы праздным занятием.

Новая социальная среда, новые переживания красной молодежи являются дезорганизующим моментом лишь в меньшей, ничтожной части своего содержания,—в основном же, в них все более нарастающий источник здоровья, организации, творчества, которым и следует научиться пользоваться. Психоневрологическая самоорганизация и психоневрологическое самооздоровление, при великолепных условиях развивающейся советской общественности, в большей степени в руках самой молодежи, чем в руках врачей: надо побудить молодежь и врачей внимательно, чутко подходить к этим новым, буквально неиссякаемым, источникам здоровья и творчества, которые накаплиются в недрах нашей молодой общественности.

Не даром этот „целебный климат“ наших советских социальных условий серьезно учтен и вторым Всесоюзным Психоневрологическим Съездом (1924 год), съездом ученых специалистов—психоневрологов,—заявившим в своей резолюции, по докладам пишущего эти строки, что развивающаяся Советская Общественность создает наилучшие условия для предупреждения и лечения нервно-психических заболеваний.

Нервные болезни среди учащейся молодежи СССР.

Обычно особо крупным количеством нервных болезней среди молодежи отличались реакционные исторические эпохи, военные и после-военные периоды, времена глубоких голодовок и, вообще, годы массовых биологических бедствий, массовых эмоциональных потрясений, массового социального подавления.

В мирные исторические этапы «привиллегия» получения нервных болезней падала, главным образом, на обеспеченные слои населения, которые, благодаря избытку питания и, вообще, избытку неиспользованного внутреннего возбуждения, приобретали особую чувствительность к мельчайшим внешним переменам, т.-е. обостренную нервозность («с жиру бесятся»,—как говорят о них в трудовых низах;—«нам-то не до нервов, с голоду не подохнуть бы»,—говорят там же).

Однако, наше время, время огромной, непрерывной, все более нарастающей, всеобщей социальной ломки, произвело глубокий переворот и в статистике и во внутреннем содержании нервных болезней человечества. Разоряющаяся средняя буржуазия и интеллигенция, пролетаризирующееся городское мещанство и среднее крестьянство, голодающий и все более революционизирующийся пролетариат,—неустойчивая в своем спокойствии даже и крупная буржуазия,—все это является обстановкой, порождающей все более нервную атмосферу в общественной жизни. Непрочность условий питания и общего положения, необходимость часто менять свою среду и привычки, постоянная озабоченность, неудовлетворенность,—все это является непрерывно растущим источником, старательно накапливающим материал для новых и все более грубых ударов по нервной системе человечества.

Однако, «каждый с ума сходит по своему». Каждый класс, каждая страна имеет ряд своеобразных условий, характерных

именно для данного класса, для данной страны, и потому окрашивают свои нервные болезни в специфические тона. В странах крупной индустрии больше нервной взвинченности и напряженности, чем в мелко-буржуазных странах; в вырождающихся, пресыщенных социальных слоях преобладают явления психического разложения и паразитизма,—в пролетарских слоях явления нервного истощения и озлобления. Все эти специальные моменты приходится серьезно учитывать, когда мы пытаемся конкретно подойти к анализу нервных болезней определенной страны, определенного класса, в определенную историческую эпоху.

Чем обусловлено такое большое количество нервных болезней сейчас среди молодежи СССР? Я говорю, конечно, о молодежи «из трудовых низов», так как прочая, контр-революционная молодежь, либо удравшая за границу, либо злобно, скрытно и у нас шипящая сейчас, интересует нас чрезвычайно мало,—да и причины ее нервозности вполне ясны. Столько безвозвратно потерять, сколько она потеряла благодаря революции,—такое потрясение, такой «убыток», конечно, не дешево обходится нервной системе.

Припомним, вообще, причины, влекущие обычно к нервным болезням. Здесь и наследственность, и переутомление, и перенесенные острые и хронические болезни, и излишества (пьянство, наркотики, разврат), и тяжелые душевные потрясения. Попытаемся разобраться в этом сложном клубке корней, питающих нервные болезни нашей молодежи.

Понятно, наследственность за годы революции не сделалась хуже у современной молодежи, успевшей родиться, конечно, задолго до нашей огромной социальной встряски. Следовательно, основная причина непомерного увеличения числа нервных болезней лежит сейчас не во врожденных свойствах нашей молодежи, а во вредных влияниях, накопленных ею в революционные годы по преимуществу. Здесь, конечно, было достаточно и голодовок, и болезней, и утомления, и волнений для того, чтобы даже «волосьи» нервы не выдержали. Но одним этим все же не исчерпывается источник вредных влияний, накинувшихся на нашу молодежь, так как иначе достаточно бы дать ей подпитаться, отдохнуть, окрепнуть,—и от нервности ничего не осталось бы. К сожалению, вопрос о нервности приходится ставить и острее и глубже.

За время с 1919 г. автору пришлось медицински столкнуться почти с 1.200 человек молодежи из различных социальных слоев (мещанство, пролетариат, крестьянство) и из разнообразных областей учебной жизни: фабзавуч, трудшкола, рабфак, ВУЗ, КОМВУЗ. Цифры довольно внушительные,—в особенности, если учесть, что материал автора прочно подкрепляется также достаточно убедительными массовыми сведениями, имеющимися в амбулаториях нескольких учебных заведений, врачи которых снабдили нас дополнительными данными.

Материалы всех этих наблюдений показывают, что количество нервных болезней сейчас увеличилось в несколько раз в сравнении с до-революционным временем, и что наиболее демократические части молодежи поставляют невропатов неизмеримо чаще, чем в прежнее время. Дело не только в том, что сейчас трудовой молодежи учится в двадцать раз больше, чем до революции, но и в том (и это главное), что именно из ее среды заболевает значительно больший процент, чем из ее же среды заболевало раньше. Как ни плохо было трудовым низам до революции, но все же они пользовались довольно своеобразной привилегией,—давали гораздо больше нервно здоровых, чем эксплуататорские промежуточные слои *).

Д Е Т И.

Наша молодежь часто заболевает еще на школьных скамьях или в семье (если не учится)—задолго до ВУЗ'а. Нервная система вообще становится особенно хрупкой в так называемый переходный половой период (13—18 лет), когда временно создается повышенная общая возбудимость, увеличивается утомляемость, понижается вся биологическая устойчивость в целом **). У подростка в это время появляется взвинченная фантазия, большая ранимость по отношению к нравственным потрясениям, временно уменьшается умственная гибкость. Вполне естественно, если, достигнутые революционной «непогодой» именно в этот период, наши подростки реагировали на нее особенно бурно и пострадали в результате этого особенно сильно.

К обычным причинам этой переходной нервности в революционные годы прибавились еще голодовки (особенно дорого

*) Об этом см. в V очерке.

**) На причинах этого я подробно останавливаюсь в печатающейся книге „Половой вопрос и советская общественность“ (Ленинградск. Госиздат).

стоившие именно подраставшему организму), глубокие встряски чувствований (опасность, неизвестность, семейные несчастья и проч.),—коренная и к тому еще быстрая идейная ломка, грубо нарушавшая устойчивость настроений.

Подростки различных слоев получают и переносят эту нервность по разному.

Ученики средней школы из среды более или менее обеспеченного когда-то мещанства или средней буржуазии (также и интеллигенции) пострадали сильнее прочих. Революция встряхнула их особенно грубо. Семьи их меньше всего выиграли от революции, а чаще всего проиграли. Экономическая прочность семьи резко пошатнулась, а то и рухнула совсем. Нравственная устойчивость семьи разошлась по швам, так как все старые экономические и идейные корни ее были глубоко подорваны. Семья оторвалась от прошлого и на время как бы потеряла будущее. Конечно, все это не могло не отразиться на чутком подростке, цепко впитывающем в себя все, творящееся вблизи. Даже если учесть, что дети этого социального слоя питались лучше пролетарской детворы (за счет припрятанных в семье⁴ остатков [прошлых запасов]),—все же эти социальные, нравственные, семейные удары были настолько для них сокрушающими, что нервная их система должна была серьезно пострадать. При этом надо также учесть, что дети среднего слоя являются и по природе своей в значительной степени более нервно чувствительными, так как интеллигентские и средне-мещанские семьи всегда доставляли изрядное количество невропатов (причина, конечно, в более сложном экономическом положении этого социального слоя, требовавшем особо ухищренных приемов индивидуального житейского приспособления). Следует при этом еще отметить большое влияние нервного заражения, невольно передававшегося напуганными, растерявшимися, оторвавшимися от привычного бытия родителями—своим детям. Можно представить себе, какими явились эти подростки в ВУЗ (конечно, если им удавалось попасть в ВУЗ: до 1921—1922 г.г. это было для них сравнительно нетрудно).

Меньше всего пострадала в свой переходный возраст крестьянская детвора. За исключением детей кулачья,—масса крестьянских ребят особенно резких отрицательных сторон революционных потрясений не испытала. Отдельные

бунты или белогвардейские налеты были сравнительно кратковременны, и, в общем, положение массового крестьянина, несомненно, сейчас не ухудшилось, а кое в чем и укрепилось в сравнении с до-революционным временем, что не могло не отразиться и на нервной устойчивости его ребятшек: они в нервном отношении потеряли меньше детей других социальных слоев.

С пролетарской детворой обстоит, если можно так выразиться,—«и хуже и лучше». Родительских запасов (как у мещанства) и своего хлебушка (как у крестьянства) у нее не было. Страшная голодовка эпохи военного коммунизма коснулась пролетарских ребят самыми острыми своими когтями. Революционных волнений испытали и они в вполне достаточном количестве: рабочий район ведь был главным источником, дававшим основной боевой кадр как местным боям с белогвардейщиной, так и далекому фронту. Пролетарские отцы в почти постоянной смертельной опасности, или голодные—на холодной фабрике,—матери в непрерывной тревоге за мужей и за голодающих детей,—все это, конечно, не теплая ванна и не бром для нервной системы голодного и иззябшего подростка. Однако, в этом испытании была и светлая, даже яркая сторона. Революционный класс—победитель зажигает классовый пафос и в своей ребятне: гордость, смелость, стремление к риску, героическому классовому подвигу—в подражание старшим,—все это—бодрое и крепящее чувство, помогающее душевно расти, дающее прочную почву для здорового мирозерцания, для горячих и радостных действенных планов. Если бы это переживалось в состоянии сытости, было бы совсем хорошо. К сожалению, как-раз этой сытости и не было.

Итак, часть нашей взрослой молодежи, притом достаточно крупная часть, растеряла значительную долю своего нервного здоровья еще задолго до ВУЗ'а. В ВУЗ'е (или в совпартшколе) она попадает в полосу новых бедствий, да и не только она, но и та часть, которая ухитрилась проскользнуть в школу нервно непотрепанной.

СТУДЕНЧЕСТВО.

Наше социальное деление приходится в отношении к этой взрослой молодежи углубить и заострить в значительно большей степени, чем мы это делали в применении к подросткам.

Здесь, в нервных проявлениях уже взрослых людей мы видим гораздо более явные, даже резкие, классовые отличия.

В своеобразном нервном состоянии находится мещански-интеллигентская часть ВУЗ'овского студенчества (в КОМ-ВУЗ'ах, совпартшколах, фабзавуче этого, конечно, нет*). Недавно гордые и почти единственные хозяева университетов и институтов, они очутились сейчас на третьем плане. Твердой почвы под ногами, ясных горизонтов нет у них ни в недавнем прошлом, ни в настоящем. Все старые устои разбиты, а новые еще не построены. Пришли они из внутренне расшатавшейся семьи, потерявшей под собою прочную экономическую и идеологическую базу. К старой классовой—родительской или интеллигентски-либеральной вере уцепиться не за что, а настоящее, тем более будущее, чуждо пока, непонятно. Крах старых научных и общественных авторитетов, развитие новых социальных, политических форм,—все это вселяет недоверие, пугает. Ни в малейшей степени не ясна им и дальнейшая, после ВУЗ'а, «служебная» перспектива: то ли они будут подневольными чиновниками у «рабоче-крестьянской черни», то ли будут за совесть творить новую социальную жизнь.—Новую, но какую? Сложный классовый переплет советских взаимоотношений, необходимость быть зачастую под началом у «бездипломного простяги»—рабочего и крестьянина—все это пугает, обижает, подавляет творческий порыв. Грубо выявить хищнические, коммерческие, индивидуалистические вожеленьица никак нельзя,—того и гляди вычистят, как чуждый элемент. Прятать же их непрерывно—непомерно тяжелая задача.

Да и самая учеба не удовлетворяет: нет уже тех высоко авторитетных, немного страшноватых олимпийцев, которые вещали истины велии с высоты неприступных, недостижимых кафедр,—профессорские кафедры как-то снизились, «посерели», демократизировались. Да и язык профессорский стал какой-то простой, совсем не ударный, не гипнотизирующий, как прежде. «Нет, уж богатыри не те»,—не нравятся, не импонируют демократизированные профессора студенческому мещанству. Только и отдыхают на лекции какого-либо выжившего зубра, напоминающего доброе старое, «авторитетное» ВУЗ'овское время.

*) Я говорю о непартийной части этого социального студенческого слоя.